

- Не соврал старик, ни на слово, - кривясь улыбкой, бормочу сам себе, делая самые тяжелые шаги в моей жизни.

Бушующее вокруг ненастье не заботит так, как разрывающая изнутри тягостность собственного существа. Каждая частичка плоти объявила войну соседям, и все тело стало полем брани с мириадами одновременных войн. Каждый шаг сродни гибели тысяч, каждый вдох будто бы вливающийся расплавленный металл, каждый выдох будто бы мгновенное осушение полноводной реки, каждое мгновение дарит миллионы дней в пытках.

Еще несколько шагов, и я дойду до ворот, а там станет полегче, надеюсь, что станет. Друг совсем поплохел, его тело почти целиком почернело, источая еще больше черной дымки, стремящейся дотянуться до всего живого, как в том месте, где Емеля пролежал, пока я не вернулся за ним. Теперь там мертвая земля, источающая трупное зловоние, надеюсь, ненадолго, и скоро очистится от этого яда. И мне нельзя никак сдать, у самого порога, ради его, ради всех тех, кто рядом, ради меня, ради..., ради..., ради..., нет, не могу вспомнить, знаю, что есть ради кого жить, но все еще не могу вспомнить, хотя чувствую, что это очень дорого мне, что иначе мне не жить...

- Расступитесь! - раздалось совсем рядом: - Не мешайте же! Дайте пройти!

В моем затуманенном опущенном к земле взоре показались ноги, чьи обладатели были с обеих сторон и расходились в стороны. Это означало лишь то, что я вошел в поселение, чему свидетельствовали звуки запираемых ворот.

- Отойдите, чтобы в вас не попал мрак, - шепчу, как получается, но меня услышали.

- Отойдите! Не стойте рядом и на пути! Не видите будто? Сеньоре Емеля заражен!

- Разойдитесь! На стены все, кто может стрелять! Хватит глазеть! Нужно еще продержаться, пока портал не открылся!!!

- Так там же вон как гуляет ненастье!

- Так сколько оно еще сдюжит? Да и сколько Волхв продержит его? У него силы не безграничные! Все на стены!!!

- Амигос! На стены! Покажем, как могут сражаться Десперадос!!!- раздался крик Андриана: - За новый дом! За Огнеслава! За Емелу!!!

- За нашего Князя!

- За твердь Гор!

- Во славу Богов!

Дойдя пару десятков шагов, я рухнул рядом с сброшенным телом друга, продолжающим бредить и бормотать, кажется, сейчас он общался с матерью и жаловался, что та дает ему кашу, а он хотел картошку. Эх, счастливый человек, не то что я, обреченный терпеть всю ту боль, борясь с этим телом, кажется принявшимся отторгать меня, точнее мою суть. Обожженная плоть не желала восстанавливаться, обуглившаяся кожа отслаивалась, из жил сочился гной, кое-где выступили кости и уставы, не хватало нескольких рогов и когтей, отрубленных в пылу сражения.

- Почти дошли, брат, - тихо произношу, глядя на бредящего Емелю: - Осталось самую малость. Мы уже дома, держись.

- На вот, выпей, Княже, - подошедший Хранитель протянул берестяную кружку: - Тебе чуть полегче будет.

- Спасибо, отче. А что это вы так плохо выглядите? - спрашиваю, заметив, как старец посунулся, его тело одряхло, седина усилилась, глаза впали.

- Так и я, аки ты, сверх сил перестарался. Почуял силы, токмо не пришли пока они, вот и поплатился.

- Это из-за призыва так вас?

- Из-за него родимого, всех духов с окрестностей созвать силы требуется немало, а ее у меня не было столько. Но ничего, придем в Храм, и я оклемаюсь, и Емелю поднимем, да и ты возвратишься.

- Надеюсь, - произношу, делая глоток и глядя на пораженную кисть, лишившуюся пары когтей и кожи: - Как зомби выгляжу.

- Хуже, Княже, хуже, - произнес старец: - Но уж точно лучше, нежели Емельян.

- Княже здесь, Княже с нами, Княже дружит со волхвами, - рядом оказался оборванец, радостно подпрыгивающий и будто бы напевающий: - Здесь с нами на поле брани. Княже с нами, возвратился, Вий в гробу перевернулся.

- Чудной, - ухмыляюсь, наблюдая за блаженным.

- Не тот чудной, кто глумной, а тот, кто и вовсе как слепой! Гаврюша видел, Гаврюша скажет, Епанька с радости и пляшет! Гаврюша следом днем и ночью, Епанька знает, где Княже точно! - блаженный оборванец продолжал танцевать, веселя народ, усевшийся вокруг на расстоянии, безопасном для них от отравляющего землю яда.

Мой верный Мрак лежал неподалеку, не опасаясь за себя и лишь вода ушами и наблюдая за окружающими нас. Со стен доносились крики защищавших сейчас поселение, и, судя по доносящимся звукам, оборона была успешной. Вдруг над головой раздалось знакомое карканье и шелестение крыльев, не успел я взглянуть вверх, как большой черный ворон вдруг спорхнул и уселся прямо на замершего блаженного. Тот широко улыбнулся, достав из кармана драного кафтана кусочек сахара и поднес к клюву ворона, с радостью принявшего дар.

- Гаврюша славный, Гаврюша зоркий, знает много и кричит громко! – вновь заплясал Епанька: - Славна птица, ворон черный, мудрость знает, он ученый. Славна птица наш Гаврюша, всегда надо птицу слушать.

- Отче, так это же...

- Он самый, - кивнул старец.

- Что получается?

- Получается! – Епанька вдруг подскочил: - Дуб стоит, листва качается! – сразу тут же отбежал и принялся распевать: - Ой мама, не горюй, сын-то возвратится! А если не придет, птичкой обернется. Полетит среди небес, песня заголосится! Ты уж, мама, не горюй, коли так случится!

Отвар ослабил боль, одурманивая разум, но не позволяя тому затуманиться и впасть в забвение тягостного сна. Встать сил не было, да и старец не позволял мне даже пошевелиться, мол, силы надо копить. Я был с ним согласен, ибо шевелиться совсем не хотелось, налившееся свинцом тело гудело, мышцы ныли, кости ломило, и лишь душа радовалась тому, что вновь ощутила себя в родных местах.

Местные суетились, помогая беженцам, перестав на тех смотреть, как на чужаков, те же в свою очередь стремились помочь местным, чем могут, хотя бы по хозяйству, пока остальные сдерживают штурм на стенах. Несколько мастеровых суетились возле порталной арки, постоянно искрящейся и мерцающей сиреневой пеленой. Бородатый гном, что-то вычерчивая на гранитном монолите, бубнил себе под нос, причитая о том, что не успели завершить строительство, поэтому и не выходит ничего, но еще немного, и все заработает. И вся эта людская масса то и дело оборачивались, чтобы лишний раз посмотреть на меня, не всегда в открытую, не всегда без боязни, но все же глядели, не в силах удержаться.

От ворот донесся сильный раскат грома, но, взглянув, я не заметил ничего опасного, напротив, защитники продолжали находиться на своих местах, не паникуя и посылая во врага стрелы и магические заряды. Повторный грохот также ничего не изменил, точнее, кажется, защитники приободрились.

- Что там происходит? – не выдержал, наблюдая, как люди начали что-то восклицать, поднимая оружие.

- Богиня прислала свою помощь, Князь, - внезапно раздался голос справа от меня, заставляя дернуться и увидеть сидящего рядом человека в оборванных одеяниях: - Рады, что ты в здравии и сумел добраться, - человек встал, прошел несколько шагов, развернулся и поклонился: - До скорой встречи, Государь, - с этими словами он будто бы растворился, и лишь тень мелькнула, устремляясь к стене и через мгновение перемахнув через ту.

Я попытался найти взглядом Епаньку, но того, минуту назад мелькавшего на виду, также не оказалось нигде, будто бы и не было. А люди оживились, собираясь и подходя к арке, начавшей отворять стационарный портал.

- Закончили! Сейчас отворится! – раздался голос мастерового гнома.

- Поднимаемся, Княже, - отозвался старец: - Сдюжишь?

- А куда мне деваться?

- Твоя правда, - Хранитель улыбнулся, опираясь на посох: - Как там говорят в старом мире? Куда нам деваться с подводной-то лодки?

Челюсть в этот момент должна была отвалиться и упасть на землю, но пока еще мои мышцы все же не дали ей этого сделать, а я провожал ошарашенным взглядом старца, удаляющегося к расширяющемуся portalу, где беженцы уже толпились, с нетерпением ожидая возможности пройти сквозь пелену.

- Емелю не забудь, - окрикнул меня старец, обернувшись и добродушно улыбаясь: - Друзей не стоит забывать.

Арка вдруг хлопнула распахивающимся субпространством, и из нее потянуло свежим ветром, тут же мастеровые гномы заголосили, перекрикивая толпу, чтобы та расступилась и дала дорогу дружине. Люди послушались, расходясь по обе стороны, и в этот самый момент из арки начали выбегать дружинники и белые волки, устремляясь к стенам и воротам. Командующий дружиной седобородый воин осматривал разномастных беженцев суровым взором, стоявший рядом с ним выделяющийся своим ростом воин внимательно слушал докладывающего старшего, указывающего рукой в нашу сторону, а рядом стояла большая белая волчица, вдруг сорвавшаяся и бросившаяся в нашу сторону. Мрак подскочил, вставая в боевую стойку и оскаливая клыки, подлетевшая волчица сделала то же самое.

- Белис! – вдруг вырвалось из меня: - Свои! Мрак! Свои! – кажется, я мысленно обратился к обоим волкам, подавляя выставленные барьеры, и те вдруг сжали уши, обращая свои скулящие морды в мою сторону, как и все остальные волки, вдруг остановившиеся и заскулившие: - Белис, это я, Мрак мой друг, знакомьтесь, он теперь в нашей семье, - тепло вдруг вырвалось из груди, расходясь по сдающему телу, образы обрушились благостным грибным дождем, и я понял, чье имя вдруг вспомнилось, что за волчица стоит сейчас передо мной, роняя тяжелые слезы на землю и радостно скуля, и от чего все волки вдруг одновременно завывали, ввергая в ступор людей.

Горечь, жалость, радость, переживания, надежда и утрата смешались в единый комок эмоционального всплеска, посылаемого волчицей, и не только мне пришлось переживать все ощущения сразу, но и Мраку, тут же ответившему своим ураганом эмоций, обрушая их и на меня, и на Белис. И мы все разом завyli, будто бы одинокие волки посреди новолуния, оказавшиеся последними существами на планете.

Волчица хотела броситься, прильнуть головой, чтобы я погладил ее, облизать мое лицо, но она понимала, что сейчас этого делать не стоит, да и не мое лицо она бы лизала, и не мои руки гладили бы ее. И об этом ее понимании знал и я, и Мрак знал, приняв на себя весомую волну из воспоминаний Белис, как и я, еле державшийся на ногах после такого ментального шторма.

Тело Емели вновь заняло свое место на моей спине, дымка мрака вновь попыталась вцепиться в меня, но разлагающееся тело отторгло ее или отпугнуло, все равно. Кости затрещали от груза, усилились выделения гнойников, мышцы затрещали. Но я пошел, медленно, но пошел, двигаясь к порталу, где стояли командующие дружиной, внимательно глядя на меня и слушая пересказы местных и не обращая внимания на стоящего неподалеку слепого старца.

Шаг, еще шаг, я пытаюсь улыбнуться, но это больше похоже на оскал попавшего в передрыгу зверя. Лежащее на моей спине дымящееся тело Емели увеличивает важность момента, идущие по обе стороны белая волчица и черный, как ночь, волк вносят диссонанс, а кружащий над головой каркающий ворон ввергает в окончательное смятение.

- Превед, Медвед, - обращаюсь к застывшему здоровяку, переводя взгляд на седовласого: - Доброго дня, Истислав, людей всех надо бы пристроить, это беженцы с других земель и континентов. А я в Храм, другу не здоровится, надо бы донести.

- Так..., - вдруг промолвил опешивший Борислав: - Мы донесем.

- Нельзя, мрак его поразил, на вас может повлиять, так что я сам, а у вас и тут дел хватает. Ну я пошел, а то устал больно, - вздыхаю: - Не прощаюсь.

Портал принял без проволочек, мягко подхватив и понеся сквозь радужный тоннель, в конце которого мягко поставив на землю, где уже толпился народ.

- Ну вот, - услышался голос старца: - На месте мы, неси за мной Емелю, тут недалеко.

Я последовал за старцем, не поднимая головы из-за почти утраченных сил и все сильнее обуревающей тяжести собственного тела, точнее, его останков.

- Боги родимые, не уж-то он?

- Ой, мама!

- Ой, не уж-то теперь?

- Да как же его так?

- Смотрите, смотрите!

Храм действительно оказался неподалеку, и вскоре мы вошли, минуя двух гигантских медведей, грозно прорычавших при нашем приближении, но сразу же присмиревших.

- Сюда клади, - произнес старец, но как-то иначе, по-хозяйски, и я подчинился, уложив тело друга в центре главного зала: - А теперь ступай. Ступай, у тебя еще дел полно. И..., спасибо тебе, Огнеслав, за все, в долгу не останусь, - с этими словами старец с Емелей исчезли, а я, будто бы замороженный, развернулся и побрел обратно, ощутив слабый, но прилив сил.

Людей возле храма и портала, мерцающего сиреневой воронкой, собралось действительно много. И вся эта людская масса глядела на меня, не обращая внимания на проходящих через портал беженцев и дружинников, постепенно расталкивающих люд, чтобы тот не наседал на меня. Отовсюду звучали голоса, но я уже не слушал, ощутив жуткую тоску, зовущую меня туда, где белели дома и стены из камня. И я подчинился этому зову, зашагав в сторону возвышающегося на холме города, отзывающегося звоном набата. Вокруг меня как-то не заметно для меня встали кольцом волки, слева Белис, справа Мрак, позади, кажется, идут дружинники, но я не оборачиваюсь, боясь отвести взгляд от города и, обернувшись, более его не увидеть, поняв, что все происходящее - лишь сон.

Я иду и думаю, что вот-вот проснусь, и окажется, что мне нужно вставать и собираться на занудную работу, что опять я один, что вновь я никому не нужен и ничего ни для кого не значу. Я открою глаза от назойливого звонка будильника, и окажусь в пустой квартире, забывшей тепло семейного уюта. И опять придется идти на маршрутку, ломиться в нее, трястись до ненавистной работы, замену которой я уже никогда не найду в силу возраста. А потом вновь увижу Аллу Яковлевну, ту еще паскуду, и склизкий начальник Аркадий Петрович вызовет на ковер, где будет размазывать по столу долгую речь о том, как важно быть частью коллектива и стремиться на укрепление компании в целом, и даже банальный лайк во Вконтакте очередной новости от компании делает ее позиции более сильнее и выражает мою лояльность к компании... а вечером я вновь зайду в магазин и куплю пару литров пива или даже, если рабочий день удался, бутылку водки, после чего сяду за комп и начну бесцельно кликать по страницам в закладках, пока алкоголь окончательно не накроет, и я не отправлюсь спать до того момента, как вновь зазвонит ненавистный будильник.

Кость правой ноги хрустнула, ломаясь пополам и принуждая упасть, вспышка боли уже не так пугает, но я все же отгоняю навалившиеся мысли и поднимаю голову, отводя взор от брусчатки, точнее, поднимая получившую удар этой самой брусчаткой морду. Перевожу взгляд на сломанную ногу, лишившуюся большей части мышц, стремительно истлевших из-за яркого солнца и более беспощадного пламени, благодаря которому я сумел дожить до этого момента. Морда Мрака оказалась прямо возле меня, глаза зверя внимательно глядели в мои.

- Спасибо, - пытаюсь улыбнуться и из последних сил перекидываю правую руку, через его спину, и тут же перекидываю левую через спину подошедшей Белис: - Спасибо, мои родные.

Волки медленно пошли дальше, прижимаясь боками ко мне, чтобы было легче держаться обессиленными руками, выглядевшими не лучше ног, да и всего тела. Устало оно, да и я устал, все устали, но хочется жить, так хочется жить, а не дают, не позволяют, все время возводя препятствия. Но я все же дошел, я смог, победив само посмертие.

«Я жив. Я жив! Я ЖИВ!!!»

Призрачное пламя вздымалось, стремясь к небу и сторожа окаменевшее тело, вокруг лежали сотни цветов, свежих, не успевших завянуть. Люди стояли молчаливым кольцом, заполнив всю площадь, и никто не смел пошевелиться или же подступить ближе остальных. Я думал, все будет иначе, нет, я не думал, не мог даже помыслить, но, кажется, все должно было быть иначе, и сюда мне было суждено прорываться с боями, проливая невинную кровь и окончательно себя очерняя. Но все пошло не так, и вот я здесь, и не приходится убивать своих людей, вдруг решивших, раз нет меня, нет и будущего. Странно, но от чего-то именно такие мысли сейчас приходят в голову, и кажется, что я всегда знал это, и не было морока забвения, и не было беспомощности, хотя и сейчас я не все помню. Не было ничего, лишь иллюзия мира, создаваемая собственным разумом. Странно, но не для меня, не здесь, не все это, ведь, иллюзия не то, что мы придумали, а то, что нам навязали.

Рука прикоснулась к окаменевшему дереву, и то отозвалось, загудев изнутри, оставшиеся когти вцепились в следующее дерево, также загудевшее в унисон первому. Кости затрещали, связки застонали, но я продолжил карабкаться, следующее бревно, следующее, и тут призрачное пламя среагировало, бросившись навстречу, обнимая и принимаясь объедать останки тела. Но я карабкался, ощущая ласкающее тепло, такое родное и такое благодатное. Мышцы обугливались, кости прогорали, связки лопались, но я продолжал карабкаться все выше и выше, еще пара усилий, и останки правой руки, охваченной призрачным пламенем, ложатся на окаменевшее тело.

Круговорот подхватывает, вознося ввысь, яркая ослепляющая вспышка света, глаза открываются, и перед ними мои собственные ладони, раскрывающиеся по собственной прихоти. Мысль, и стягивающая их мифриловая броня истончается, как будто бы ее и не было, оголяя гладкую розоватую кожу с родными рисунками. Четыре перстня на перстах правой руки, нет, пять и связка колец и медальонов на веревочке в левой. Вглядываюсь в кольцо на большом пальце.

Название: Перстень Старца

Тип: кольцо

Редкость: Мифический.

Бонус: + 5000 ХП

Эффект: Сопротивление оцепенению, ошеломлению, влиянию на разум меньше на 15%, вне боя невозможно негативное ментальное воздействие.

Эффект: отныне и вовеки все помыслы, да решения будут мудры и осмысленны.

Ограничение: нельзя передать, выбросить, разрушить. Единственный во всем мире.

Мудрость вернулась в этот мир, многие народы вспомнят заветы предков, бесчисленные семьи обретут отныне достойных отпрысков.

В мире возродился бог мудрости и покровитель зверей Велес. Территория возрождения Северось.

Велес примкнул к Пантеону Порядка. Текущие Первобоги Порядка: Макошь, Сварог. Текущие Боги Порядка: Перун, Велес.

Внимание! На территории Североси усилилось влияние Пантеона Порядка. Влияние остальных Пантеонов и малых религий снижено на 45%, налог на храмы остальных Пантеонов и малых религий увеличен на 75%.

Внимание! Вы завершили задание неизвестное описание. Неизвестный параметр. Условия не определены, система заблокировала любые ошибки, появляющиеся в процессе вашей игры.

Отношение с Пантеоном Порядка достигло положительного максимума.

Отношение с Пантеоном Света снизилось на 500000, вас презирают. Храмовники Пантеона за вашу смерть будут получать высочайшую награду. Имя Огнеслав признано нечестивым.

Отношение с Пантеоном Хаоса снизилось на 500000, вас презирают. Храмовники Пантеона за вашу смерть будут получать высочайшую награду. Имя Огнеслав признано нечестивым.

Получено достижение «Длань Смерти». Вы продолжаете сеять смерть, Ваш путь несет погибель целым народам. Когда-нибудь Смертью нарекут именно Вас.

Получено достижение «Заступник Богов». Вы приумножаете силу Богов, только вспомнят ли они об этом.

Получено достижение «Перерожденный». Вы - первый, кто обманул суть посмертия, задумайтесь, получится ли это дважды?

Внимание! На Вашей территории создан Храм Велеса.

Внимание! В Храме Порядка появился Идол Велеса.

Внимание! Скотные дворы Новограда получили Благословение Велеса. Приплод отныне будет здоровым и сильным.

Внимание! Все места знаний Новограда обретают сакральные письмена, носящие древние знания.

Внимание! Найдена Книга Велеса! Один из двадцати одного великих артефакта мироздания! Место обретения - Новоград! Отныне и вовеки библиотеки Новограда несут Истину и Знания!

Внимание! Вы имеете право обращаться к Богам Порядка напрямую! Спросите, и они услышат отныне и вовеки веков!

Внимание! Вы сделали еще один шаг на пути возрождения Истинных Богов! Следующий шаг может возродить Истинность Пантеона! Мир обретет Суть Всего! Все зависит от веры в Богов!

Ноги коснулись брусчатки без болезненных ощущений, как будто бы кто-то ласково поставил меня на место, подержав какое-то время в воздухе. Ощущения собственного тела принялось опьянять, в голове завертелись хороводы образов и воспоминаний, мириады мыслей будто бы прорвали плотину. Возгласы и ликования прорвались сквозь заслон слуха, и все та же Белис рвалась в этот раз облизнуть все мое лицо, теперь свое и настоящее. Людской гул заглушал все, вбирая в себя любые звуки, но я не сопротивился ему, ведь и сам был рад тому, что вновь вернулся, вновь обрел себя, и бегущие ко мне соратники, переставшие сомневаться, были мне сейчас очень по душе.

- Государь! Государь! - раздавалось отовсюду: - С возвращением!

- Княже! Возродился! Чудо! Чудо!!!

- Слава Огнеславу! Слава Богам! Слава Перуну! Слава Макоши! Слава Велесу! Слава Сварогу!

- И я рад вас видеть! - пожимаю тянущиеся руки и тут же ощущаю сдавливающие до хруста костей объятия: - И тебя рад видеть, Медведюшка! Не сломай, а то только вернул свое!

- Огнеслав! - будто бы взревел на радостях Борислав: - Не чаял, не гадовал! А так ты же вот так!

- А ты думал, черт пришел?

- Не думал, но... Князюшка!!!

- Государь! Дай и я тебя обниму! - Истислав дернул к себе, по-отцовски обнимая и шепнув: - С возвращением.

- Гой Князю Огнеславу!

- Гой!

- ГОЙ!!!

- Гой Роду!

- ГОЙ! ГОЙ! ГОЙ!

- Гой Перуну! Гой Сварогу! Гой Макоши! Гой Велесу!

- ГОЙ! ГОЙ! ГОЙ!

- Княже! - хватка, которой бы позавидовал и Борислав, сжала меня в поясе, легко сдавив в мощных тисках гномьих рук: - Княже!

- Броню помнешь! - прокряхтел я.

- Новую скую! Ух ты! - гном резко отпустил, чуть не уронив на землю и обернувшись к Мраку: - Не уж-то черный? Не уж-то вожак? Ух ты!!! Правду! Правду твердят писания!!! Знаково! Княже! Все знаково! - гном поклонился, ударяя тяжелым кулаком в нагрудник: - Гномы тчат твоё соблюдение договора. Ты очередной раз доказал, что делаешь все возможное, чтобы исполнить его, и соблюдаешь все, что твердят пророчества.

- Какие пророчества?

- Древние.

- А почитать их можно?

- Нет.

- Я так и думал. Ну, не прокатило, может, в следующий раз прокатит... Истислав, люди, пришедшие со мной, приняты?

- Обижаешь, Государь, все чин по чину.

- Огнеслав! - тонкие ручки охватил мою шею, тонкое тельце повисло на мне: - Я знала! Я знала! Смерть не забирала тебя! Я знала!

- Лиза, и я рад тебя видеть, - девчушка висела на моей шее и рыдала, открыто и громко: - Ну все, не плачь, не плачь, все же хорошо теперь.

- Княжна, не пристало вам..., - было, начал Истислав.

- Княжна?

- Да. Дочь князя - Княжна, в твое отсутствие право наследование было возложено на нее, аки ближайшую по крови и нареченную аки дочь.

- Ясно, и как?

- Правила? Аки надобно, знатная Княжна выйдет, знатная жена вырастет.

- Я не хочу замуж, - Лиза шмыгнула носом: - А дядя Истислав все замуж и замуж твердит.

- Так такой красе в девках ходить не потребно, - возразил Истислав.

- Ладно, после с этим разберемся, да и с остальным. Давай уже, говори, чего удумал.

- Так, это..., банька уже истоплена.

- Ага, знаешь, чертяка, чем заманить.

- А? Я тут! - вдруг отозвался Анчутка.

- И ты тут?

- Тут, а где мне быть? Тут я!

- Вот же злыдень!

- Не злыдень! Я Анчутка, черт полевой! Хранитель!

- Ага, Хранитель.... Емеля!!! Где он?!

- Да тут я, Княже, - отозвался Емеля, привлекая мое внимание.

Рослый, седобородый с широкой добродушной улыбкой, в доспехах и все тот же взгляд.

- Тут я, живой.

Я рванул вперед, обнимая названного брата, не потерял, успел! Все вышло, жив, здоров.

- Спасибо, - прошептал Емеля мне на ухо: - Спасибо, брат.

- Тебе спасибо, - также шепчу: - Будем жить.

- Будем.

- Дядь Емеля, а это он? - спросила рядом стоявшая девчушка.

- Он, - кивнул Емельян: - Это дядя Огнеслав.

- Ага, здрасти.

- Здрасти, - улыбка так и рвется из меня, видя маленькую девчушку, прижимающуюся к ноге Емельяна, вдруг отобразившегося в сплывшем окне, как Первожреца Велеса.

- Ага, - поняв, почему я удивился, отозвался Емеля: - Вот такие пироги, Серег.

- Рад за тебя, хорошему человеку по его хорошести.

- И тебя тем же по тому же месту, - улыбнулся Емеля.

Резкий рывок сзади заставил развернуться, вновь женские руки обхватили мою шею, но в этот раз для того, чтобы ее губы впились в мои, жадно прижимаясь. Слезы брызнули сами собой, а мои руки прижали ее тело еще сильнее, не желая более отпускать. Все вокруг померкло и стихло, время остановилось, мир замер, боясь испортить момент, а я не желал отрываться более никогда, но она отпрянула, всего лишь на мгновение, но отпрянула и для того, чтобы поднести свои губы к моему уху и тихонечко шепнуть: - У нас будет маленький.

Семенов День.

Время уже идет к завершению теплой поры, и солнце все дольше задерживается за горизонтом, стремясь поскорее скрыться за день. Деревья еще не сбросили листву, но

окрестные окрасились в различные яркие цвета, изменяя привычный зеленый мир до неузнаваемости. Пологий туман становится все гуще и все дольше задерживается после рассвета, птицы на водоемах собираются своими разросшимися семьями, стремясь не упустить последние теплые деньки для запасания так необходимым при перелете жирком.

Вот и в это прохладное утро, окрашенное розовыми лучами восходящего солнца, из застелившего полноводную широкую реку тумана доносятся покрякивания стаи уток, разместившейся в прибрежных камышах. Крупная роса улеглась на траве, пригибая ту к земле и не желая скатываться, проснулись кузнечики, пока еще чувствующие теплоту наступающего дня. Огромное коровье стадо вышло на противоположном берегу из ближайшей к городу деревни, радостно мыча от возможности вновь отведать свежей травы. Много из них стали грузными, разрослись в боках, и пастухи не торопят таких, оберегая кормилец и их приплод. Мелькающие темные и светлые пятна овец и коз блеют, спеша впереди больших соседей по стаду, дабы добраться до самой вкусной травы. Но тем не дают отбиться от общей массы помогающие пастухам молодые волчата, оцепившие стадо по периметру, дабы то не разбредалось.

Дверь бани с шумом распахнулась, и наружу выскочили нагие распаренные мужи, с радостным криком, разгоняющим птичьи стаи, побежали по склону берега к холодной речной глади, с берега ныряя в воду и выныривая, ощущая резкий контраст охлаждения омытого распаренного тела. Над рекой разнеслись радостные возгласы, эхом разлетающиеся над гладью, казалось, что река ожила, обретя десятки звонких голосов.

- Эх, ма!

- Ух, хорошо!

- У-ух!

- А-а-а-а! Добрая водица! Дай всему отмыться!

- Смой всю грязь-хворобу!

- Выйдем чистыми к народу!

- Эй! - раздался суровый крик Митрича: - Не балуй! Див не распугивай! Водяного не буди! А ну живо в баню! А то дам каждому по фигову! Пойдете на свадьбу с приметным знаком банным!!!

Охлажденные мужики принялись вылезать из воды и, радостно причитая, понеслись обратно, прикрывая срамы, будто бы кто-то сейчас мог подсматривать за ними. Такому Анчутка быстро охоту бы отбил, благо, разрешение от Великого Князя получено в письменном виде.

Как только солнце поднялось на два пальца от горизонта, банная дверь вновь распахнулась, и из нее поочередно принялись выходить одетые в расписные алые рубахи и черные портки мужи, подпоясанные золочеными плетеными ремнями. Все обнимались друг с другом, поздравляя с телесным и духовным очищением, с благодарностью принимая от банщика банный черпак, наполненный травяным отваром, приправленным березовым вином, и выпивая тот до дна и закусывая маринованным огурчиком.

- Помылся, попарился, а теперь живенько отсель убежались! – закончив подготавливать, Митрич спровадил всех прочь, не взирая на регалии и звания, ведь в бане все равны: что дружинник, что ремесленник, что Великий Князь: - В добрый путь, добры молодцы!

- Гуляй! Братия! Гуляй! Люд! Женихи с помывки всей братвой идут!!!

- Гуляй! Город! Гуляй! Деревня! Свадьба не бывает без похмелья!!!

- Гуляй! Дворик! Гуляй! Улочка! Выйдет славная прогулочка!!!

- Девки плачут, слезы льют, что меня не замуж не возьмут! А я не плачу, радуюсь, я сегодня на раз женюсь!

- А куда все эт идут?! – вдруг перед идущими по улице возникла живая стена из люда, детвора повылазила из окон, вскарабкалась на заборы: - Ну ка живо встали тут!!! Говорите, кто такие, что сутра все говорливы?!! Весь народ наш разбудили, всех сутра переполошили!!!

- Мы все здесь честные братья, да идем, куда нам надоть, а вы что нам тут мешаете?

- Так вы нас не приглашаете! Знаем, кто такие вы тут все, да куда идете, токмо надо бы платить, коли шумно прете!!! А потом пригласить, коль люд уважаете, дабы не было обид, иль не почитаете?!!

- Почитаем! Уважаем! И всех разом приглашаем! Ждем мы весь честной народ! Только вот что за налог? Мы ни разу слышать не слышали, иль указы сами пишете?

- Нет указа, ваше правда, только не все так славно. Не пропустим мы всех вас, пока не заплатите сейчас!

- Как платить?

- Забавой плата, хотим песню слышать, так вот!

- Ну уж песней отплатить, что ж, тогда вам ее подхватить.

- Туман, давай

Вперед вышел молодой русский парень, источая сияние радости, и начал песню звонким мелодичным голосом:

Улетай на крыльях ветра

Ты в край родной, родная песня наша,

Туда, где мы тебя свободно пели,

Где было так привольно нам с тобою.

Тут же подхватили остальные мужи, сливаясь своими голосами в единый раскатистый хор:

Улетай на крыльях ветра

Ты в край родной, родная песня наша,

Туда, где мы тебя свободно пели,

Где было так привольно нам с тобою.

Там, под знойным небом,

Негой воздух полон,

Там под говор моря

Дремлют горы в облаках;

Там так ярко солнце светит,

Родные горы светом заливая,

В долинах пышно розы расцветают

И соловьи поют в лесах зеленых

- Любо?

- Любо! Любо! Любо! Ублажили люд, блага за то желаем вам и пропускаем! Но только, если поедете верхом!!!

- Так лошадей же нет!

- Так ежайте друг на друге, чем вам не лошади-то!

- Ну раз так, тогда, братья, запрягаемся и вперед, а то невест всех разберут!

Попрыгав друг другу на спины, братия поскакала дальше под звонкий смех люда с прибаутками да наставлениями.

- Неси, родимый! - закричал Туман, сидя верхом на Огнеславе, лихо подскакивающим, изображая скакуна.

- Иго-го! - отозвался Огнеслав.

- Не гоните! Коней загоните! - раздался дружный смех.

- Не загоним! Они у нас воронные!!! - ответили всадники.

Веселящаяся улица провожала под музыку и смех скачущую конницу, разбегающуюся по дворам, где всадника или коня ждали его свита, осаждающая запертые ворота, не желающие отворяться.

- Птру-ру, родимый, - Туман потянул за ворот рубахи: - Приехали, тут моя родимая живет, тут мне и слезать.

- Ух, - Огнеслав затормозил, позволяя другу спрыгнуть: - Ну что? В помощь нужен?

- Спасибо, но сам справлюся, тут-то всего-то. Ворота взять, да избу осадить, делов-то!

- Ну как знаешь, - Огнеслав обнял, похлопав по спине: - До встречи, друг.

- Ага, скоро свидимся, - улыбнулся Туман, оборачиваясь к запертым воротам и обращаясь к толпящимся возле тех нарядным людям: - Ну как? Отпираются ворота?

- Не отпираются!

- Ну тогда сейчас отопрем!

- Ах ты, князюшка наш князь, ты в хомут-то не залазь! – заиграли вокруг Огнеслава скоморохи, провожая того по улице к площади: - Ты ярмо не надевай, вольным мужем погуляй!

- Идет Князь, идет по граду! Весь народ глядит с окон! Не видал такого я параду, чтоб не пили самогон!!!

- Хей-хей, толпа людей! Все спешат на площадь нашу, все спешат и тут же пляшут!

- Стой же здесь, зачем пришел? Что-то ценное нашел? – люд перегородил выход с улицы на площадь, заполнившуюся бесчисленным народом: - Али просто поглазеть? В сторону тогда отъедь!

- Что за люд вокруг такой? Что за повод-то большой?

- А тебе какое дело, коль пришло столько с рассвета?

- Да вот знать хочу, по что-столько-люда-то пришло?

- Свадьба здесь сегодня будет!

- Свадьба? А женихом кто же будет?

- Женихов у нас полно, тут вот ищем одного. Аль не ты ли тот жених?

- А что много у вас их?

- Много, только нужен вот один, ему девицу отдадим.

- А девица ли красна? Может, старая она?

- Молода девица наша, да красна, и нету краше!!!

- А взглянуть дадите мне?

- А по что позволять тебе? Кто таков ты, говори, только нам, смотри, не лги!!! У нас правду различают, а за кривду прогоняют!

- Я жених, аль не видать?
- Жених? А где же свита, зять?
- Свита здесь!!! Мы с женихом!!! - раздалось вокруг Огнеслава: - Мы всей братией идем!!! А вот свита где невесты?
- От невесты все уж здесь мы!!! - раздалось с другой стороны площади возле княжьего дворца.
- Остальные кто тогда же?
- Гости!!! - разнеслось по площади.
- Гости? Не сорите тогда кости!!! Соль на землю не роняйте и себя не забывайте!!! Ну, жених, готов залог?
- Все, что было, тесть сволок!
- Не брал он ничего, не надо!!! - донесся голос Воислава.
- Брал-брал! Сам грузить все помогал! А вот где приданое невесты?
- Так вчера заносили ж вместе!!! - отозвался Воислав.
- Ну раз все уже в расчете, значит, выкуп нам даете. Выкуп ценный должен быть, нас, жених, ты не обидь!!!
- Не обижу, честно слово, что хотите выкупного?
- А хотим мы, чтоб не жалко было нам дорогу отворять и тебя же вспоминать.
- Вот так вот, загадка все же, десять бочек вина вам гоже?
- Гоже! Гоже! Ты кати и тогда уж проходи!
- Кати бочки, чарки подноси, люд честной, дорогу отвори!!!
- Проходи, жених хороший, соли с хлебом отломи побольше!

- Спасибо за хлеб, за соль, за доброту, но видеть невесту я хочу!

- Невеста здесь уже давно, но только вот проблема. Придется тебе найти ее среди девиц ее окруженья. Глади внимательно, не тронь и голосом не клич, попыток три всего даем, смотри, не ошибись!!!

Вокруг жениха народ расступился, и со всех сторон на площадь выбежало несколько десятков девушек в одинаковых одеждах, скрывающих тех с головы до пят. И все были, как на подбор: один рост, одна фигура, как будто бы невесту взяли и размножили.

- А чтобы играть было интересней, сделай это в хороводе с песней!!!

Девушки вдруг закружились, перемешиваясь и запев одногласым хором:

Во небе высоком

Птицею стану -

Лебедь-мать славлю.

Колечко, колечко,

Выйди на крылечко,

Солнышком обернися.

Во реке широкой

Камушком стану -

Лебедь-мать славлю.

Колечко, колечко,

Выйди на крылечко,

Солнышком обернися.

Цветом медяным

Во поле стану -

Лебедь-мать славлю.

Колечко, колечко,

Выйди на крылечко,

Солнышком обернися.

Девойю красной

В хороводе стану -

Лебедь-мать славлю.

Колечко, колечко,

Выйди на крылечко,

Солнышком обернися.

- А что тут гадать-то? - Огнеслав прошел сквозь хоровод, игнорируя всех и лишь подойдя к одной: - Вот моя суженная!

- С первого раза! - разнеслось по площади, перемешиваясь с ликующими возгласами: - Во, как угадал-то!

Тут же остальные девушки сняли закрывающие их шали и с хохотом начали кружиться вокруг обнявшихся жениха и невесты.

Было вечером-вечерком, в Рос-реке мы купались,

С юным встретились ветерком, с вольным ветром браталися...

Юны девы-берёзы не роняли бы слёзы,

Не горело бы поле, не стонала бы доля...

Хороводы водили мы, и венки плыли по реке...

До костров будущей зимы сохраню я тепло в руке...

- Подойдите же, завет получите, да пред богами встаньте! - раздался голос вышедшего вперед старца, обращающегося к жениху с невестой: - Примите же дары наши да благословения напутственные. Огнеслав, дарим тебе дрын могучий, чтобы он стоял у тебя и не падал. Лерия, а тебе дарим скалку, чтобы муж, да дети были сыты да воспитаны. Родители названные, поднесите кольца обручальные.

Среди Сварги перстни скованы,

В светлом Ирье позолочены,

На земле волхвом оценены.

Кому эти перстни носить?

Князю светлому со княгинюшкой,

Огнеславу с Лерией!

Старец подошел к одевшим кольца молодоженам, венчая их стальными обручами поверх цветочных венков.

Идёт Сварог из кузницы,

Несёт Сварог три молота,

Сварог-кузнец, скуй нам венец!

Брачный оков, красив и нов,

Перстни златы для верности,

В добавочку и булавочку.

Чтоб в том венце венчаться,

Перстнями обручатся,

Булавкою повой приткнуть!

Рушник обвязал руки молодых, старец, взявшись за концы обвяза, трижды провел молодых вокруг вечно горящего пламени ставшего священным местом посреди площади, где каждый мог поднести жертву богам в благодарность.

- Вставайте же на рушник, дети наши, перед ликом богов, нарекаю вас мужем и женой во славу Рода, во имя Жизни! Живите долго и счастливо, правьте по совести и по Правде и одарите нас детьми вашими, приумножающими Род ваш!!!

Грозди зерна полетели со всех сторон, осыпая молодых, громкие поздравления и пожелания, взлетающие к небесам сотни белых птиц, закруживших над площадью. И, кажется, сами боги обратили свои взоры, благословляя всех, кто в этот день соединил свои судьбы, живя по мирским законам.

Тут же на площади появились сотни широких столов, заполняемые яствами и питьем, и праздный люд принялся рассаживаться, смешиваясь с пришедшими со всех дворов молодыми и их гостями. Скоморохи и ведуны заиграли, преувеличивая радость и веселье, праздный люд поднял чарки за молодых, не забывая тут же выпить и за родителей, а затем за Князя с Княгиней, а следом за Род, и тут же за каждого из богов, и конечно же за счастье не стали долго терпеть... И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

<http://tl.rulate.ru/book/28868/1268862>